
РУССКИЙ ЯЗЫК У ИНОСТРАНЦЕВ XVI—XVII ВВ.

Ю.А. Болдырева, Т.Е. Никандрова

Кафедра истории русского языка и общего языкознания
Московский государственный областной педагогический институт
ул. Зеленая, 22, Орехово-Зуево, Россия, 142611

В статье отражена история восприятия и передачи русских слов на материале записок о Московии С. Герберштейна и А. Олеария в XVI—XVII вв. Рассматривается их графическое и фонетическое оформление, изменение морфологического облика и лексического значения под влиянием родного языка.

Ключевые слова: чужая речь, родная речь, способ передачи, слово.

В Средние века Московское государство активно сотрудничало с европейскими странами. Климат, территория, культура, обычаи и быт вызывали большой интерес у европейцев. Московию пытались описать иностранные купцы, путешественники, послы, военные, ученые. Но всевозможные дневники, записки, воспоминания путешественников, посетивших Россию в XV—XVI вв., не могли воссоздать полную картину Московского государства, кроме того, нередко сообщались неверные данные, а то и вовсе небывлицы.

Далеким от истины было изображение «Московии» в «Трактате о двух Сарматиях» поляка Матвея Меховского, который никогда не был в России, а сведения о ней получал преимущественно от русских военнопленных. Несколько точнее сведения в «Космографии» Себастьяна Мюнстера. В географической литературе по-прежнему господствовали взгляды античных географов; на картах Руси наносились давно поменявшие свои названия Гиперборейские горы, реки Ра и Танаис [2. С. 42].

Переломным моментом в представлениях иностранцев о Руси становятся записки о Московии опытного австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна. С целью упрочения связей с могущественным, хотя и временным союзником — Русью, Герберштейн дважды — в 1517 и 1526 гг. — был отправлен туда в качестве посла, получив при этом указания собирать всевозможные сведения об обычаях и быте, политике и экономике этого государства. Его записки и по сей день считаются одним из наиболее полных и достоверных описаний Московии того времени.

В XVII в. происходит упрочение связей России с Западной Европой, которая вела в тот период войны. Находясь на пути между Европой и Азией, Российское государство вызывало большой интерес у Европы, стремившейся установить торговые отношения с азиатскими странами, в частности, с Персией. Поэтому посольства торговых государств стремились получить разрешение вести торговлю с Персией через Россию. Именно с этой целью в середине XVII в. страну посещает голштинское посольство, в составе которого находился знаменитый немецкий ученый-энциклопедист Адам Олеарий, автор «Описания путешествия в Моско-

вию и через Московию в Персию и обратно», в котором содержатся сведения о явлениях природы, общественной жизни, быте и нравах.

Следует отметить, что из-за огромного интереса к России иностранцы, путешествующие по стране, пытались достоверно излагать сведения, полученные ими во время пребывания, предварительно ознакомившись с материалами тех, кому уже довелось побывать в России. Для Герберштейна таким первоисточником был «Трактат о двух Сарматиях» поляка Матвея Меховского. А для Олеария, вполне возможно, что и «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна.

Однако, несмотря на это, при составлении достоверной картины жизни русского народа возникали трудности, которые в первую очередь заключались в языковом барьере. И хотя имеются подтверждения тому, что иностранные путешественники, в частности, Герберштейн и Олеарий владели русской разговорной речью, основное количество сведений о стране они получали от переводчиков, которые сопровождали посольства. Вследствие этого в данных свидетельствах при передаче многочисленных русских реалий возникали неточности. Такое отклонение, по мнению Б.А. Ларина, «обусловлено, прежде всего, естественным и неизбежным преломлением впечатлений от чужой и неосвоенной речи сквозь призму родного языка. Едва улавливается какое-нибудь даже отдаленное подобие своего в чужом языке, как это ведет к подмене чужого своим» [3. С. 15].

Подобная «подмена чужого своим» вела либо к искаженной передаче внешней формы русского слова, либо к неверному восприятию его значения. Подобные «ошибки» делал и С. Герберштейн. По его словам, он был знаком со словенским языком, который «близок русскому и московитскому» [2. С. 56]. Однако его знания о грамматике русского языка были поверхностными. Некоторые примеры: *Derselb Ladoga, zu dem gmund des fluß Irtischa*, где окончание род. пад. ед. ч. воспринимается им как окончание ж. р., поэтому он пишет дальше: *von der Irtische gmundt; zu dem großen Poiassa* («до... пояса»), *zu dem Poiassa* и т.д. В некоторых местах он заменяет русское окончание соответствующим словенским: *Camen Wolschega Poyassa* (Камень Большаго Пояса). Смещение *B* и *W* характерно для штирийско-немецкого произношения [11. С. 327]. Герберштейн переписывал русские летописи, но сам он их не читал, а воспринимал на слух. В связи с этим появляются «слуховые» ошибки: имя «CALVWTZA der khlain» вместо «Малькъ (Малко) Любечанин» в результате неправильного слогораздела *mal-kolubčanin* (отсюда и эпитет «*der khlain*») [11. С. 328].

Интересна история возникновения несуществующего языческого божества по имени Услад. Это божество также является «слуховой ошибкой» австрийского дипломата, который пишет: «В Киеве Владимир воздвиг множество идолов. Первый, по имени Перун (*Perum, Peru*), был деревянный, но с серебряной головой; остальные назывались Услад (*Uslad*), Хорс (*Corsa*), Дажьбог (*Daswa*), Стрибог (*Striba*), Симаргл (*Simaergla*) и Мокошь (*Macosch*). Всем им, иначе именовавшимся кумирами, он приносил жертвы» [2. С. 63]. В Повести временных лет читаем: «И нача княжити Володиміръ въ Кіевѣ единъ, и постави кумиръ на холмѣ внѣ

двора теремного, Перуна древяна, а глава ему серебряна, а усь златъ и Хорса и Дажбу Бога и Стрибу Бога и Семаргла и Мокошь...» Мифологическое божество по имени Услад, «родившееся» в XVI в. под пером посла-иностранца С. Герберштейна в результате неправильного «прочтения» русской летописи, попадает на родину лишь два века спустя благодаря русскому переводу книги Мавро Орбини «Славянское царство» и воспевается русскими писателями и поэтами до тех пор, пока А.Ф. Вельтман не разоблачил «лжеидола». Но и по сей день приходится разоблачать «бессмертного» Услава [1. С. 84—86].

Тем не менее, некоторым словам все же удавалось проникнуть в немецкий язык в неискаженном виде, более того, они смогли прочно укрепиться в нем и даже войти в употребление. При этом следует отметить, что, перенимая иноязычное слово, язык преобразует его фонетический облик и морфологическое строение по своим грамматическим законам. Это хорошо прослеживается при анализе особенностей передачи русских слов в немецком языке на примере записок о Московии С. Герберштейна и А. Олеария.

По данным Е.В. Опельбаума, из 70 заимствований, проникших в течение XVI—XVII вв. из древнерусского в новонаемецкий язык, 32 слова впервые были засвидетельствованы у Герберштейна (Bachmat, Beluga, Boranetz, Gonetz, Griwna, Diak, Ikra, Jam, Jamschtschik, Kalpak/Kolpak, Kwaß, Okolnitz, Poltina, Pud, Schapka, Sewruga, Starost, Sterlet, Werst, Zar) и Олеария (Ambar, Batogen, Braga, Gosten, Kabacke, Kindak, Kreml, Masleniza, Schaitan, Staniza, Stolnik, Prikas) [5. С. 235]. В фонетическом плане большую часть этих слов Герберштейну и Олеарию удалось передать довольно точно (например, Beluga, Poltina, Pud, Schapka, Kibitka, Staniza). Но передача одних и тех же слов у них не всегда совпадает. Нередко наблюдаются графические, грамматические, а иногда и лексические несоответствия. Приведем сравнительную таблицу написания слов, которые засвидетельствованы в сочинениях Герберштейна и Олеария впервые, и некоторые из которых упоминаются в современном немецком языке до сих пор (табл.). Звездочкой отмечено первое издание «Записок о Московии» С. Герберштейна на латинском языке.

Таблица

«Записки о Московии» С. Герберштейн, XVI в.	«Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию» А. Олеарий, XVII в.	Duden. Das Fremdwörterbuch 2007 г, XXI в.
Beluga (1549, 67*, 99*) Belvga (1557, 69) Beluga, <i>m</i> (1563, 110)	Bieluga <i>m</i> (1647, 233).	Beluga, <i>f</i>
Grifna (1549, 56*) Grifna <i>f</i> или <i>n</i> (1557, 59, 31) <i>ain</i> Griefen (1557, 59) grifen (1557, 37) Grifna <i>n</i> (1563, 39, 63) Griffna <i>pl</i> (1563, 41, 42)	Grieffen (1647, 160) Griffen (1647, 252)	—
Ikhrī (1549, 35*) Ikri (1557, 36), Ikhrī (1563, 40)	Ikarij (1647, 122)	—
lama (1549, 56*) lamma (1557, 2) lama <i>n</i> или <i>f</i> (1557, 142)	Gam <i>f</i> (1647, 22)	—

Окончание таблицы

«Записки о Московии» С. Герберштейн, XVI в.	«Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию» А. Олеарий, XVII в.	Duden. Das Fremd- wörterbuch 2007 г, XXI в.
kvuas (1549, 35*) Kwass (1557, 36)	Quas (1647, 123)	Kwass, <i>m</i>
Czar (1549, 16*) Czar (1557, 16)	Zaar (1647, 34)	Zar, <i>m</i>
Pud (1549, 60*) Pvd (1557, 62) Pud (1563, 66)	Pude <i>f</i> (1647, 240)	Pud, <i>n</i>
Schapka (1549, 22*) Schapka (1557, 22)	Schapken <i>pl</i> (1647, 136)	—
Sterlet (1549, 67*) Sterled (1557, 68) Sterlet (1563, 75)	Sterling (1647, 240) Sterlinge (1647, 235) Storlinge (1647, 237)	Sterlet, Sterlett, <i>m</i>
vuerst (1549, 56*) Werst (1557, 63)	Werste <i>pl</i> (1647, 16)	Werst, <i>f</i>

В данной таблице отражены графическое и фонетическое оформление русских слов в немецком языке на примере одного из произведений о России XVI в, изменение облика слова в немецком языке спустя столетие и фиксация этого слова в словаре современного немецкого языка.

Разумеется, первоначальное упоминание Герберштейном или Олеарием того или иного слова не является фактом того, что это слово сразу же закрепилось в немецком языке и вошло в его употребление. Поэтому, говоря о первой фиксации иностранного слова, мы прежде всего обращаем внимание на то, как это слово передавалось средствами немецкого языка, сохранялся ли его фонетический и морфологический строй, изменялось ли его лексическое значение.

Например, в слове *гривна* прослеживается фонетическое изменение: Герберштейн и Олеарий звонкий согласный *в* передают при помощи глухого немецкого согласного [f]. Известно, что сравнительно часто происходит смешение русских звонких [б], [в], [г], [д], [з] и глухих [п], [ф], [к], [т], [с] при передаче их немецкими согласными. Это происходит вследствие того, что в большинстве немецких диалектов звонкие [b], [w], [g], [d], [z] произносятся как слабые глухие смычные [p], [f], [k], [t], [s]. Поскольку Герберштейн смешивал звуки [б] и [в] [12. С. 327], для передачи русского лабиодентального спиранта [в] он использует соответствующий глухой звук [f]. А форма *griefen* — от род. пад. мн. ч. *гривен* [12. С. 499].

В слове *стерлядь* (*стерледь*) мы видим фонетико-морфологические изменения. В немецком языке, так же как и в русском, звонкие согласные в конце слова оглушаются. У Герберштейна наблюдается колебание в написании конечной буквы. В современном немецком языке закрепилось написание с конечной буквой *t*. Олеарий же преобразует русское слово с помощью уменьшительного суффикса *-ling*. Очевидно, что это стилистический неологизм, образованный от др.-русск. *стерлядь* (*стерледь*) по ассоциации с немецким *kleiner Stör* (маленький осетр).

Интересным с точки зрения фонетического анализа является и слово *пуд*. И у Герберштейна, и у Олеария это слово передается с конечной звонкой согласной [d], таким образом, оглушение согласной на конце слова отсутствует. При

этом у Герберштейна *пуд* не имеет грамматической категории рода, у Олеария это слово встречается как существительное ж. р., а в современном немецком языке оно уже фиксируется как существительное ср. р. Следует отметить, что графическое написание этого слова сохранило первоначальный вариант.

Графическая передача слова *ям* имеет различные варианты у Герберштейна и Олеария. Звук [ja] в начале слова Герберштейн передает буквосочетаниями *ia* или *ya*. А для Олеария вост.-ср.-нем. *g* = юж.-нем. *j*, ср.-вост.-нем. *Gauner* = юж.-нем. *Jauner*, *Gause* = *Jause*. Что касается соотнесения этого слова с категорией рода в немецком языке, то у Герберштейна мы видим колебание рода — то ср. р., то ж. р., Олеарий же сразу относит это существительное к ж. р.

Вопрос о присвоении грамматической категории рода иностранным словам в любом языке является довольно сложным, поскольку критерии, по которым происходит присвоение рода тому или иному иноязычному слову, различны. Так, для русского языка определение рода заимствованных существительных соотносится с категорией одушевленности/неодушевленности. Рассматривая этот вопрос в немецком языке на примере исследуемых произведений, можно говорить о том, что определение рода происходит по аналогии с имеющимся вариантом в немецком языке. Например, слово *белуга* Герберштейн (а позднее и Олеарий) относит к категории сущ. м. р., поскольку это слово засвидетельствовано у него в значении рыбы из породы осетровых и, по-видимому, он соотносит это слово с мужским родом латинского слова *piscis* и немецкого слова *der Fisch* (*visch*). Интересно отметить, что в словаре иностранных слов немецкого языка это слово зафиксировано как существительное ж. р.

При анализе приведенных выше слов следует уделить внимание и слову *икра*, поскольку оно имеет самые различные формы написания как у Герберштейна, так и у Олеария.

По мнению Е.В. Опельбаума, вариант *Ikri* и, вероятно, также приведенный Олеарием вариант *Ikarij* происходят из др.-русск. род. п. *икры*. Е.В. Опельбаум полагает, что вставка *-a-* в *Ikarij* объясняется акустическим восприятием артикуляции группы согласных *-кр-* на стыке двух слогов. (Ср., например, англ. устар. *ikary*, впервые засвидетельствованное в 1591 г. в сочинении Дж. Флетчера «*Of the Russe Commonwelth...*») Не исключено, однако, что эту форму Олеарий и позаимствовал из указанного сочинения.

Впоследствии с этим словом стало конкурировать синонимичное заимствование *Kaviar*, появившееся в XVII в. (1628) посредством итал. *caviaro* (совр. *caviare*). Герберштейн этого слова еще не знал, Олеарий же поясняет «*Ikarij, die Deutschen aber Savojar*» [13. С. 122].

История восприятия русских слов иностранцами может быть интересна для преподавания русского языка. В ходе анализа слов, записанных С. Герберштейном и А. Олеарием в XVI—XVII вв., прослеживаются изменения их морфологической структуры, графического и фонетического облика под воздействием законов родного языка самих немецких путешественников, а также лексический состав языка в целом. Такой анализ может быть использован при изучении русского языка не только как родного, но и в качестве иностранного.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Болдырева Ю.А.* Рождение, смерть и воскрешение языческого бога // Русский язык в школе. — 2007. — № 7.
- [2] *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем.; Под ред. В.Л. Янина. — М., 1988.
- [3] *Ларин Б.А.* Парижский словарь московитов 1586 г. — Рига: Изд-во Латвийского университета, 1948.
- [4] *Оlearий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введение, перевод, примечания и указатель А.М. Ловягина. — СПб., 1906.
- [5] *Опельбаум Е.В.* Восточнославянские лексические элементы в немецком языке. — Киев: Наукова думка, 1971.
- [6] Современный русский язык: Учебник / Под ред. П.А. Леканта. — 5-е изд., стер. — М.: Высшая школа, 2001.
- [7] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка в 4 тт. / Пер с нем. и доп. О.Н. Трубачева. — 4-е изд., стер. — М.: Астрель; АСТ, 2003.
- [8] *Duden.* Das Fremdwörterbuch, 9, aktualisierte Auflage. — Pößneck.: Druck und Bindearbeit GGP Media GmbH, 2007.
- [9] *Herberstein S.* Moskovia der Hauptstat in Reissen... — Wien, 1557.
- [10] *Herberstein S.* Rerum Moscoviticarum Commentarii... — Basileae, 1551.
- [11] *Isačenko A.V.* Herbersteiniana I. Siegmund von Herbersteins Russlandbericht und die russische Sprache des XVI. Jahrhunderts // Zeitschrift für Slawistik. — Berlin, 1957, Bd. II, Hf. 3, S. 321—347.
- [12] *Isačenko A.V.* Herbersteiniana II. Herbersteins Moskowiterbuch und seine Bedeutung für die russische historische Lexikographie // Zeitschrift für Slawistik — Berlin, 1957, Bd. II, Hf. 3, S. 493—527.
- [13] *Olearius.* Offt beehrte Beschreibung der newen Orientalischen Reyse, so durch Gelegenheit einer Holsteinischen Legation anden König in Persien geschen... Durch M. Adamum Olearium Ascanium Saxonen, Fürstl. Schließwig-Holsteinischen Hoffmethemat., Schließwig be Jacom zur Glocken. Im Jahr 1647.

RUSSIAN LANGUAGE SPOKEN BY FOREIGNERS IN XVI—XVII

Y.A. Boldyreva, T.E. Nikandrova

Russian Language and General Linguistic's Department
Moscow State Regional Pedagogical Institute
Zelenaya str., 22, Orekhovo-Zuevo, Russia, 142611

The present paper describes how the foreigners perceived and reproduced the Russian words in XVI—XVII according to the facts described in the Notes of Moskoviya by S. Herberstein and A. Olearius. The authors examine a graphic and phonetic presentation of the Russian words as well as change in their morphological appearance and lexical meaning under the influence of the native language.

Key words: strange speech, native speech, the method of transfer, word.